

ББК 63.3(2)533-210.6

Д.Н. Белянин

Основные направления деятельности переселенческих организаций Западной Сибири в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.)

Ключевые слова: Западная Сибирь, Первая мировая война, переселенческие организации.

Key words: Western Siberia, the First world war, migrant organizations.

Изучение вопроса колонизации Сибири для историков в XX в. было одним из приоритетных направлений. В последние 15–20 лет интерес к этой теме еще более вырос, что нашло отражение в нескольких защищенных диссертациях, грантах, многочисленных научных конференциях, посвященных вопросам заселения Сибири. Вместе с тем, несмотря на большое число научных исследований, одним из самых малоизученных аспектов истории края является деятельность Переселенческого управления и его региональных структур в период Первой мировой войны. Такая ситуация сложилась вследствие того, что большинство ученых в своих трудах сознательно ограничивали хронологические рамки своих исследований 1914 г. Так, Н.В. Захарова [1], А.В. Минжуренко [2], В.Е. Смирнова [3] верхние хронологические рамки ограничили именно этим годом. Известный историк-аграрник В.Г. Тюкавкин также фактически сузил до 1914 г. хронологические рамки своей монографии, последняя глава которой посвящена вопросам переселенческой политики [4]. Практически не затронул период 1914–1916 гг. новосибирский историк И.В. Островский в монографии «Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма», вторая глава которой посвящена переселенческой политике [5, с. 119–192]. Лишь некоторые исследователи расширяли хронологические рамки своих исследований до 1916 или даже до 1917 г. [6]. Частично затронул деятельность землеустроительных партий (подчинявшихся после 1906 г. Переселенческому управлению), связанную с землеустройством и внутринадельным размежеванием переселенцев и старожилов, И.А. Асалаханов [7]. Отчасти, как отметили М.В. Шиловский и Д.Я. Резун, такое ограничение хронологических рамок было следствием того, что многие планы правительства были свернуты после начала войны. Например, не были реализованы предложения о распространении на Сибирь закона от 14 июня 1910 г. о продаже переселенцам лучших участков в собственность, предложение об освоении таежной зоны и др. [8, с. 105–108]. В результате сложилась ситуация, когда при наличии большого количества исследований целый хронологический пласт дея-

тельности переселенческих организаций остается слабо изученным.

Между тем начало Первой мировой войны хотя и привело к сокращению потока переселенцев и ходоков в Сибирь, но не означало прекращения деятельности структур Переселенческого управления. Например, во второй половине 1914 г., несмотря на начало боевых действий, из имевшихся кредитов достраивались церкви, школы, оказывалась ссудная помощь. На хозяйственное устройство было выдано 7 638 903 руб. ссуд 101446 семьям. Продолжалось строительство дорог, врачебных пунктов, проводилось обследование новых колонизационных районов [9, с. V–VI]. 16 января 1915 г. из Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) заведующему переселенческим делом в Тобольском районе пришло распоряжение, где подтверждалось, что общее число планов работ переселенческих организаций остается прежним. По-прежнему планировалось проводить поземельно-устроительные, землеотводные, дорожные и гидротехнические работы, предполагалось продолжать оказывать ветеринарную помощь населению и выдавать ссуды на домообзаводство и общепользные надобности. Правда, ниже было отмечено, что «по обстоятельствам военного времени» в 1915 г. произойдет сокращение в сметных предположениях по §3 (учреждения, заведующие образованием переселенческих участков) и §4 (операционные расходы землеотводных партий) [10, л. 17].

Начало войны, безусловно, значительно снизило численность переселенцев и ходоков, поскольку уже 29 июля 1914 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием уведомил губернаторов Сибири о приостановлении выдачи ходаческих и проходных свидетельств. Одновременно был продлен срок водворения на зачисленных участках до 1 августа 1915 г., а затем до 1 августа 1917 г. [11, л. 19]. Фактически уже в первые полгода войны произошло значительное сокращение движения переселенцев. Если за январь–июль 1914 г. в Сибирь прошло 323 783 переселенца и ходока, то в августе–декабре – всего 12626. Одни ходоки должны были прервать поиски земли и отбыть в действующую армию, а другие вернулись из Сибири уже в составе воинских частей [9, с. 2, 9]. В 1915 г. в Азиатскую Россию проследовало лишь 28185 чел. [12, с. 2], тогда как в 1913 г., например, прошло 327430 переселенцев и ходоков [13, с. IX].

Но продолжение войны и особенно ее неудачный характер в 1915 г. привели к появлению беженцев, часть которых направилась в Сибирь. Первые партии беженцев прибыли в Томскую губернию в конце июля 1915 г., причем сначала беженцев отдельно от переселенцев не регистрировали. С начала движения и до 1916 г. в пределы Томской губернии прошло около 56 тыс. беженцев обоего пола. Из них часть вернулась обратно на родину, часть выбыла в другие губернии Сибири. К началу июля 1916 г. в Томской губернии проживало 35824 души обоего пола беженцев. Из этого числа абсолютное большинство осело в уездах (т.е. в поселках или на переселенческих участках) – 25927 человек [14, с. I–III]. Наибольший поток беженцев, по данным А.Ю. Карпинца, пришелся на октябрь 1915 г., когда через Челябинский переселенческий пункт прошло 103523 чел., причем многие из них оказались без теплых вещей. Поэтому на Челябинском и Иркутском переселенческих пунктах была организована выдача теплой одежды и обуви наиболее нуждавшимся беженцам [15, с. 243–244].

В 1915 г. через Челябинск и Екатеринбург прошли 170481 беженец, их абсолютное большинство осело в Западной Сибири, до Иркутска дошли лишь 16222 беженца. Появление беженцев заставило переселенческие организации взять на себя функции по оказанию помощи и устройству этой категории населения. Например, Челябинский пункт стал распределять беженцев по Сибири. Переселенческое управление 7 ноября 1915 г. направило телеграмму, в которой всем заведующим переселенческими районами было предложено сообщать в Челябинск о том, какое число беженцев может быть размещено на вверенной им территории. Заведующие водворением взяли на себя функции расселения беженцев и оказания им всесторонней помощи. Переселенческие структуры широко оказывали беженцам медицинскую и продовольственную помощь. Например, в 1915 г. беженцы получили 1178808 порций пищи.

Некоторые больницы и медицинские учреждения, находившиеся в ведении Переселенческого управления, взяли на себя функции военных госпиталей. Так, на Челябинском пункте под размещение легкораненых было передано 2 переселенческих барака, а всего в 1915 г. лазаретами Челябинского пункта было принято на излечение 4615 солдат [12, с. 10–12].

Некоторые беженцы (по религиозному или этническому признаку) получали право на зачисление за собой земельных наделов в Сибири как обычные переселенцы. Например, циркуляр ГУЗиЗ на имя заведующего Тобольским переселенческим районом разрешал «русским галичанам православного вероисповедания», изъявившим желание переселиться в Сибирь, выдавать ходатаеские свидетельства. Далее подчеркивалось, что за такими галичанами земля на переселенческих

участках должна была зачисляться «незамедлительно» [16, л. 19–20].

Министерство финансов по согласованию с Переселенческим управлением и Управлением воинской повинности в 1916 г. признало необходимым всех беженцев, водворяемых на переселенческих участках, приравнять к переселенцам. На таких беженцев должны были распространяться все льготы, установленные для переселенцев, кроме льгот по воинской повинности [11, л. 13]. Одновременно продолжалось зачисление на переселенческие участки и обычных переселенцев. Циркуляр ГУЗиЗ заведующим переселенческими районами от 6 марта 1915 г. гласил, что на свободные переселенческие участки должны беспрепятственно зачисляться все крестьяне и мещане, как имеющие проходные и ходатаеские свидетельства, так и не имеющие их. Причем особое внимание и содействие следовало оказывать прибывающим из губерний, пострадавшим от военных действий, а также семьям, члены которых принимали непосредственное участие в боевых действиях [17, л. 9].

Помимо беженцев, в переселенческих бараках иногда размещались военнопленные и депортированные из числа мирного населения, к появлению которых местные власти оказались не готовы. В начале апреля 1915 г. в Тюмени скопилось около 9 тыс. военнопленных, часть которых пришлось разместить в переселенческом лагере [18, с. 92]. За годичную аренду 7-ми бывших переселенческих бараков (с августа 1915 по август 1916 г.), 3 из которых были жилыми и вмещали 600 чел., Тюменский уездный воинский начальник должен был уплатить 3600 руб. В дальнейшем переселенческие бараки были включены в состав лагеря для военнопленных [19, с. 62].

Война и последовавшая мобилизация обострили кадровую проблему в переселенческих организациях. В первую очередь это коснулось врачей и фельдшеров. Так, в Томском переселенческом районе была мобилизована большая часть медицинского персонала, что создало «безвыходное положение» и привело «к необходимости повысить оклады медицинскому персоналу» для привлечения специалистов на пустующие места [20, л. 88]. Фактически к мобилизации фельдшеров и врачей приступили сразу же после начала военных действий. Уже 23 июля 1914 г. в телеграмме из Тары сообщалось, что призваны по мобилизации фельдшеры Ваулин, Кузнецов и Жвакин. Был призван на службу заведующий Коршайским фельдшерским пунктом [21, л. 7, 47]. В плане работ по врачебно-продовольственной помощи на 1916 г. в Тобольском районе констатировался факт наличия вакансий на амбулаторных фельдшерских пунктах и отмечалось, что ввиду отсутствия медицинского персонала эти вакансии закрыть невозможно. Тем

не менее, несмотря на такую сложную обстановку продолжалось строительство переселенческих больниц и фельдшерских пунктов. Правда, осуществлялась главным образом достройка ранее начатых больниц и амбулаторий. Например, в 1916 г. предполагалось достроить приемный покой с амбулаторией на Туринском фельдшерском пункте, была намечена постройка инфекционного отделения на Андреевском пункте [22, л. 12, 13, 19].

Осложнилась после мобилизации работа агрономических структур. Для обслуживания заселяемых районов Томской губернии в 1914 г. предполагалась работа 19-ти специалистов агрономической организации, из них «8 чинов не были назначены по обстоятельствам военного времени». Кроме того, в течение года из состава организации выбыли призванные в войска старший специалист и 2 младших инструктора, также были откомандированы на заготовку хлеба для армии старший инструктор и три техника. В результате из состава организации осталось 4 специалиста (младший инструктор и 3 техника), из которых трое заведовали опытными полями, а всего один техник занимался оказанием агрономической помощи населению. В итоге из намеченных по плану работ была осуществлена лишь их незначительная часть, а «целый ряд начатых мероприятий остался незавершенным» [23, л. 10–10об.].

Отдельно следует остановиться на деятельности землеотводных и землеустроительных партий, входивших в структуры Переселенческого управления. Эти партии до войны ежегодно выполняли огромный объем работ, связанных с изучением свободных пространств и образованием колонизационного фонда, занимались вопросами внутринадельного размежевания и землеустройства. И.В. Островский высказал мнение, что с началом Первой мировой войны подготовка колонизационного фонда фактически прекратилась, что было связано с призывом многих работников землеотводных партий на фронт или привлечением их к заготовке продовольствия для армии [5, с. 152].

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют утверждать, что правильное говорить не о прекращении заготовки переселенческих участков, а о сокращении масштабов этого вида деятельности переселенческих структур. Несмотря на существенное уменьшение переселенческого движения, продолжалась нарезка переселенческих участков как общих, так и единоличных, продолжался процесс землеустройства старожилого населения. Например, в 1915 г. в Кузнецком уезде Томской губернии было образовано 147 хуторских участков общей площадью 6995 десятин удобной и неудобной земли [24, л. 65 об.–71об.]. Действие указа от 2 января 1906 г. о расписании личного состава чинов временных партий для заготовки переселенческих

участков в Сибири и Степных областях было продлено до 1 января 1916 г. Из средств Государственного казначейства в 1915 г. на содержание этих партий было выделено 1 282 700 руб. [25, с. 197]. В Томской губернии в 1915 г. предполагалось открыть новый Тута́льский переселенческий подрайон, что мотивировалось обращением этой части Мариинского уезда в колонизационный фонд для зачисления за ходаками [26, л. 15].

В плане работ по поземельному устройству и отводу переселенческих участков в Тобольском районе на 1915 г. намечался значительный объем работ. Предполагалось, что работы будут проводить 5 партий во всех 8-ми уездах Тобольской губернии. Например, только в Курганском уезде планировалось в процессе землеустроительных работ окончательно отграничить 99 наделов для 103 селений на площади 293116 дес., выдать 109 отводных записей в 18 волостях для 137 селений на площади 463360 дес. В Тюкалинском уезде должны были предъявить отводные записи в 6 волостях для 23 селений на площади в 186589 дес. Силами Тобольской партии по отводу переселенческих участков планировалось образовать переселенческие участки общинного пользования суммарной площадью 10400 дес. и единоличного пользования – 10 тыс. дес. [27, л. 2–3, 5, 12–13]. В 1916 г. предполагали в Тюкалинском, Ялуторовском, Ишимском и Туринском уездах Тобольской губернии заготовить участки поселенного пользования на площади в 12343 дес., единоличного пользования – 9334 дес.

Не прекратилось исследование новых колонизационных районов. Например, в 1915 г. в Туринском уезде была обследована площадь в 390 тыс. дес. В 1916 г. предполагалось в этом же уезде провести обследование лесных дач Павьино-Ошмаровской, Еловско-Сборной, Карабашкинской и Иксинской на площади 476 тыс. дес. В Ишимском уезде планировали исследовать казенные земли к северу от Ишима (около 80 тыс. дес.) [28, л. 5, 29–30, 34]. В 1916 г. ревизор при Переселенческом управлении В.П. Вошинин попытался собрать и оценить материал по оценке колонизационных перспектив Зауралья. С этой целью он направил запрос о предоставлении ему сведений с мест [29, л. 28–29].

Сократились, но отнюдь не прекратились работы по внутринадельному межеванию. В октябре 1914 г. уже после начала войны Архиповское сельское общество (Тюкалинский уезд) получило ссуду в 1988 руб. на внутринадельное размежевание [30, л. 56]. В Томской губернии из принятых сходами в 1915 г. землеустроительных проектов в следующем (1916) году получили окончательное утверждение проекты разверстания 18 селений с площадью 43474 дес. Сходам были предъявлены проекты разверстания 139 селений с площадью 506591 дес., из них приняты населением проекты 129 селений с площадью 22013

дес. Из принятых населением разверстаний в 1916 г. получили окончательное утверждение 46 с площадью 182807 дес. Землеустроительные документы были выданы 84 селениям с площадью 338807 дес. Кроме того, в 1916 г. работы по внутринадельному размежеванию (составление камеральных планов, исполнение проектов в натуре и др.) в Томской губернии проводилось в 556 селениях с площадью землепользования в 2 368 871 дес. [7, с. 93].

В 1915 г. в Тобольском переселенческом районе предполагали провести работы по внутринадельному размежеванию в 4-х переселенческих поселках Ишимского уезда (на площади 12790 дес.), в 3-х поселках Тарского уезда (4130 дес.). Кроме того, планировали закончить начатые ранее работы в одном поселке Ишимского уезда на площади в 2980 дес. [27, л. 13]. В 1916 г. должны были в Тарском, Ишимском, и Тюменском уездах провести работы на площади в 18 тыс. дес., причем работы были разделены на 2 категории:

- 1) разверстание селений, где в этом существует настоятельная необходимость;
- 2) все остальные – «работы условного характера».

Силами частных землемеров в Тюкалинском уезде в 1916 г. предполагалось проводить работы в 46 поселках за счет правительственных ссуд и в 7 поселках за счет средств самого населения. Продолжение работ по внутринадельному размежеванию было следствием спроса на эти работы со стороны населения. В 1916 г. только в Тюкалинском уезде возбудили ходатайство о внутринадельном размежевании поселки Вознесенский, Любимовский, Назаровский, Столетовский, Любинский, Чистовский. Общая площадь этих переселенческих поселков составила 25913 дес. В 1915 г. было открыто внутринадельное межевание в 17 поселках Тюкалинского уезда (все бывшие переселенческие участки) на площади 55102 дес. Этим поселкам в 1915 г. было выдано в качестве ссуд на размежевание 10296 руб. 66 коп., а в 1916 г. предполагалось выдать еще 6875 руб. 22 коп. [28, л. 2, 13–14-об, 27–27об., 55–55об.].

Приведенные выше цифры взяты из плана работ по Тобольской губернии в 1916 г. Эти данные заметно отличаются от тех, которые приводятся в фундаментальном труде И.А. Асалханова. Так, в таблице 21 монографии И.А. Асалханова есть данные, что в 1915 г. в Тобольской губернии внутринадельное размежевание проводилось в 8-ми селениях (на площади 35698 дес.), в 1916 г. – в 9-ти селениях (площадь – 20799 дес.) [7, с. 91]. К сожалению, не ясно, какой источник использовал для составления таблицы ученый, так как ни в сноске, ни далее по тексту нет пояснения о характере документа. Правда, И.А. Асалханов оговорился, что

приводимые им данные «далеко не отражают действительных размеров размежевания», так как они фиксируют более или менее полно размежевание за счет правительственных ссуд [7, с. 90]. Различия в приведенных выше цифровых данных вполне объяснимы тем, что правительственные структуры имели лишь приблизительное представление о реальных масштабах внутринадельного размежевания. Кроме того, разница в данных может быть следствием использования различных источников: сметы расходов, годовые отчеты губернаторов, итоговые отчеты заведующих переселенческим делом в районах или сводные данные отчетов заведующих отдельными поземельно-устроительными партиями. Не следует забывать, что какие-то чиновники могли пользоваться непроверенными данными или вообще заниматься приписками.

Между тем Первая мировая война существенно снизила темпы внутринадельного размежевания Западной Сибири, по выражению И.А. Асалханова, «внесла некоторую заминку» [7, с. 84] в данный процесс. Отчасти это стало следствием сокращения выделяемых кредитов. В этой сфере и до 1914 г. отмечалась нехватка кредитов, а после начала войны финансирование еще более сократилось. Так, уже во второй половине 1914 г. ссуды на внутринадельное межевание по Сибири были сокращены с 1 млн до 200 тыс. руб. [9, с. V].

Уже 7 августа 1914 г. заведующий землеустройством и переселением в Тобольской губернии в телеграмме заведующему Тюкалинской поземельно-устроительной партией сообщил, что Переселенческое управление предложило приостановить выдачу ссуд на внутринадельное межевание. Было распоряжение перевести остатки ссудного кредита в размере 15 тыс. руб. в распоряжение Переселенческого управления. Вследствие этого заведующий землеустройством и переселением в Тобольской губернии просил своего подчиненного предупредить частных землемеров, что за произведенные работы они могут рассчитывать только на 40% от следуемой за работы суммы [31, л. 3]. Предположенная по смете на 1916 г. по Тобольскому району на внутринадельное межевание сумма в 40 тыс. руб. была сокращена до 30 тыс. [28, л. 24]. Из предположенной по Тобольскому району на 1915 г. суммы в 30 тыс. руб. на внутринадельное межевание только 14 селений, где работы начались еще в 1914 г., получали кредиты в полном объеме. Другие населенные пункты получали ссуды в размере 40%. Например, для работ в поселке Александровский (бывший участок Монастырский) Тюкалинского уезда требовалось 870 руб., из этой суммы предполагалось выдать 348 руб. Для разверстания поселка Васюганский (Тюкалинский уезд) требовалось 2386 руб., предполагалось выдать лишь 741,2 руб. Всего по 21 поселку Тюкалинского уезда

общая сумма испрашиваемых кредитов была равна 34979 руб., а выдать предполагалось только 15 тыс. руб. [10, л. 18–19, 23–23об.].

Снижение объемов работ по внутринадельному межеванию было отчасти также следствием призыва землеотводных чинов на военную службу. Так, в Томском районе уже в 1914 г. из 82 казенных специалистов были мобилизованы 19. В результате этого не было проведено межевание силами казенных землемеров в 4-х селениях на площади 4078 дес., не осуществлена подготовка к внутринадельному землеустройству в 107 селениях на площади в 534600 дес. [9, с. 172, 177]. Кроме того, как было отмечено в отчете по внутринадельному межеванию за 1914 г. в Тобольском районе, часть селений, ходатайствовавших ранее о размежевании, отказалась от своего намерения до окончания войны. Так, в Тарском уезде на участках Верхне-Шайтанском и Верхнее-Тунгузинском выделы хуторов не были проведены «за отказом хозяев». В Ишимском уезде были приостановлены работы по разверстанию на отруба участка Малиновского «за недостатком по случаю мобилизации рабочих, необходимых для продолжения работ» [31, л. 7, 72, 75, 79]. Оговоримся, что, по данным И.А. Асалханова, в 1916 г. в Томской губернии, несмотря на трудные военные обстоятельства, были настойчивые ходатайства населения, по которым в 1916 г. были открыты работы. Тем не менее далее по тексту И.А. Асалханов отмечает, что в связи с войной в этой губернии были прерваны подготовительные к размежеванию работы в 178 селениях на площади 594060 дес. [7, с. 93].

Еще одну причину сокращения объемов работ по внутринадельному размежеванию в Западной Сибири в 1914–1916 гг. можно выделить на основании анализа протокола совещания по рассмотрению плана поземельно-устроительных, внутринадельных и землеотводных работ Тюменско-Туринской поземельно-устроительной партии. В этом документе отмечено, что война выдвинула на первый план вопрос о продовольствии для страны, а «отвлечение населения от сельскохозяйственных работ для выполнения плана межевых работ не отвечает задачам обороны» [29, л. 59–59об.].

Одной из главных причин сокращения деятельности структур Переселенческого управления в 1914–1916 гг. стало уменьшение выделяемых кредитов. Снижение финансирования произошло уже в 1914 г. Например, из предполагавшихся по росписи 686499 руб. на постройку гидротехнических сооружений кредит был урезан до 50 тыс. руб. Всего из предполагавшихся по росписи 8 812 881 руб. (подсчитано нами. – Б.Д.) было выделено лишь 2 036 245 [9; с. V]. На организацию агрономической помощи в Томской губернии по плану работ было ассигновано

32126 руб. 66 коп., но из ассигнованной суммы в распоряжение заведующего землеустройством и переселением было передано лишь 18960 руб. Причем из отпущенной суммы обратно в Главное казначейство было переведено в связи с начавшейся войной 1680 руб. [23, л. 5].

Для определения характера и масштабов деятельности структур Переселенческого управления проанализируем данные смет переселенческих организаций в годы Первой мировой войны. Из ГУЗиЗ 16 января 1915 г. заведующему переселенческим делом в Тобольском районе пришла телеграмма, где отмечалось, что общее число планов работ остается прежним, однако «по обстоятельствам военного времени» в 1915 г. предполагалось сокращение сметных предположений [10, л. 17]. В общем, данные имеющихся в нашем распоряжении смет по Тобольскому и Томскому переселенческим рай-онам это подтверждают. Основные направления работ остались прежними, однако по некоторым пунктам заметно значительное сокращение. В смете по Томскому переселенческому району на 1917 г. есть сравнительные данные о выделенных в 1916 г. средствах и испрашиваемых на 1917 г. суммах. Например, в 1916 г. на статистико-экономическое изучение переселенческих хозяйств было выделено 12 тыс. руб., на 1917 г. испрашивалось 30 тыс. руб. На содержание партий и отрядов по образованию переселенческих участков было выделено в 1916 г. 153276 руб., а на 1917 г. испрашивалось 177650 руб. [20, л. 2–2об., 3об.]. На первый взгляд эти данные вполне сопоставимы с цифрами некоторых довоенных смет, и даже более того, налицо динамика увеличения выделяемых кредитов. Так, на 1912 г. в том же Томском районе на статистико-экономическое изучение переселенческих хозяйств по смете испрашивалось 28850 руб., а на содержание личного состава партий и отрядов по образованию переселенческих участков – 124950 руб. [32, л. 5об.–6об., 14]. На «домообзаводственные» ссуды в 1914 г. было ассигновано 1 млн руб., а на 1915 г. по смете предполагалось 2700 тыс. руб. На содержание личного состава поземельно-устроительных отрядов Сибири в 1914 г. было выделено 115208 руб., а на 1915 г. было запланировано 118050 руб. [26, л. 10об., 11об.]. Правда, из предполагавшихся по смете сумм на практике были произведены некоторые сокращения. На содержание личного состава поземельно-устроительных отрядов было выделено в 1915 г. 110226 руб., на «домообзаводственные» ссуды из предполагавшихся по смете средств было выделено 846809 руб. [33, 6об., 7об.].

Фактически же о сохранении кредитования на определенном уровне или даже увеличении выделяемых сумм говорить нельзя, поскольку необходимо учесть возрастающую в годы Первой мировой войны

инфляцию и рост цен. Например, в той же смете на 1917 г. одними из причин увеличения испрашиваемого кредита названы удорожание типографских работ «более чем на 100%» и общее удорожание жизни, что потребовало повысить расценки работ [20, л. 12]. Вместе с тем сопоставление довоенных смет и смет военного времени имеет немалое значение для выяснения основных направлений деятельности переселенческих организаций. Так, в 1917 г. по смете планировалось значительно расширить землеотводные работы в таежных местностях (на это испрашивался кредит до 92547 руб.), а на исследование новых колонизационных районов по смете предполагалось потратить 200 тыс. руб. [20, л. 15–15об.]. Очевидно, что немалое значение придавалось вопросам дорожного строительства в колонизируемых районах. Это направление вообще стало одним из самых приоритетных после 1910 г., когда П.А. Столыпин во время поездки по Сибири отметил, что переселенческих дорог мало и необходимо увеличить размеры средств на строительство дорог [34, с. 36]. В 1916 г. на дорожное строительство было выделено 391994 руб., на 1917 г. испрашивалось 527352 руб. Причем в смете отмечалось, что такое увеличение в значительной степени есть следствие удорожания работ и в меньшей степени расширения строительной программы. В частности, в 1917 г. планировалось провести изыскания 125 верст новых дорог, достроить незаконченные дороги и «построить отдельные сооружения», а также провести текущий и капитальный ремонт дорог и мостов. По смете предполагалось, например, достроить в Кузнецком уезде Томской губернии магистраль от с. Кузедеево до улуса Каз, а также построить магистральную дорогу от участка Леботер к участкам по р. Иксе в Томском уезде [20, л. 32–32об., 33об.–34].

Определенный интерес для нас представляет сопоставление штатов переселенческих структур мирного и военного времени. Хотя в 1914 г. чины землеустроительных партий, многие вольнонаемные топографы и их помощники, работавшие в отдельных местностях Азиатской России, получили отсрочку от мобилизации [35, с. 153], к концу 1916 г. кадровая проблема заметно обострилась. Штат гидротехнического отдела на 1917 г. в Томском районе должен был состоять из заведующего, двух помощников и 14 гидротехников [20, л. 74об.]. Если сравнить со штатами мирного времени, то можно отметить заметное сокращение личного состава. Так, в смете на 1912 г. для выполнения всех предположенных работ в штате гидротехнического отдела того же района предполагалось содержать 18 постоянных гидротехников, 36 буровых мастеров, двух нивелировщиков и 10 десятников [32, л. 34]. Тем не менее, несмотря на сложную ситуацию, по

смете 1917 г. планировалось, что гидротехнический отдел Томского района будет осуществлять осмотр водоснабжения предполагаемых в колонизационный фонд участков, проводить бурение, строить колодцы, сооружать и ремонтировать плотины. Причем необходимость строительства колодцев была обусловлена увеличением числа единоличных хозяйств, каждое из которых должно было быть обеспеченным водой. Так, в 1916 г. предполагалось построить в Томском районе 215 колодцев, а в 1917 г. – 244 [20, л. 64–64об., 65об., 66]. В Акмолинском переселенческом районе в плане работ на 1916 г. значились следующие мероприятия:

1) провести изыскания на площади в 250 тыс. дес., предназначенной к включению в колонизационный фонд в 1916–1917 гг.;

2) провести работы на переселенческих участках прежних лет образования, которые требовали дополнительного обследования (100 тыс. дес.);

3) провести работы на площади в 20000 дес., подлежащих отводу киргизам, переселяющимся из заселенных районов в скотоводческие.

Кроме того, планировалось построить 276 колодцев, а также котлованы плотины [36, л. 12–16]. В феврале 1917 г. заведующий гидротехническим отделом Тобольского переселенческого района предложил осушить заболоченное Аллапное пространство. В объяснительной записке он отметил, что эта мера позволила бы получить 76 тыс. дес. казенных земель для переселенческого фонда, а также увеличить емкость старожильческих и переселенческих наделов [37, л. 4–4об., 7–8].

Несмотря на финансовые трудности, переселенческие организации продолжали создание учреждений социальной инфраструктуры. Например, на постройку школ, церквей, содержание причтовых домов на 1917 г. по смете запрашивался кредит в 106270 руб. Предполагалось, в частности, построить школы в поселках Тегульдетский (Мариинский уезд) и Гурьяновский (Бийский уезд), церкви в поселках Орловка, Казанский и Крутихинский (Кайинский уезд). По-прежнему выделялись средства на содержание приютов для детей-сирот из переселенцев. Таких приютов в Томском районе было 4 и 2 Барнауле (каждый на 50 детей). Предполагалось, что в 1917 г. начнет функционировать еще один приют в Мариинске, главным образом для сирот тех переселенцев, которые были призваны на военную службу и погибли [20, л. 84–86, 98].

Для большинства направлений деятельности переселенческих структур значительное уменьшение финансирования неизбежно означало сокращение масштабов работ. Например, по статье «Раскорчевка леса на таежных переселенческих участках» на 1917 г. предполагалось выделить 22 тыс. руб. Причем в пояснительной записке к смете

прямо отмечалось, что «масштаб этих работ далеко не отвечает действительной потребности, но, вследствие трудности переживаемого времени расширение их необходимо отложить до более благоприятного момента» [20, л. 28].

Заметное сокращение финансирования произошло в сфере ссудного кредитования. Так, по таким статьям как «домообзаводственные ссуды», «путевые ссуды», «ссуды на внутринадельное межевание» и «ссуды на общепользные надобности» по всем переселенческим районам в 1914 г. было выделено 11434 тыс. руб. Уже на следующий год произошло заметное сокращение до 9675 тыс. руб. (подсчитано нами. – Б.Д.) [38, л. 198–199об.]. Отчасти такое сокращение было неизбежным, поскольку уменьшилась численность переселенцев и ходоков, соответственно должны были уменьшиться объемы средств, необходимых для домообзаводства или проезда крестьян. В Томском районе переселенцам, водворяющимся с 1 апреля 1916 г. по 1 января 1918 г., предполагалось выдавать только половину причитающейся им «домообзаводственной ссуды», а всего «на домообзаводство» на этот период испрашивался кредит в 725075 руб. [20, л. 82–83]. Но главной причиной сокращения выделяемых кредитов, разумеется, была Первая мировая война.

Несмотря на сложности, связанные с сокращением кредитования, переселенческие организации продолжали выдачу «домообзаводственных ссуд», в том числе тем переселенцам, которые водворились до начала военных действий. Правда, эти ссуды теперь стали выдаваться в первую очередь тем семьям, члены которых призваны на войну. Им предполагалось выдавать ссуды в большем объеме. В некоторых районах ссуды были обращены в безвозвратные пособия, предоставлены отсрочки по выплате ссуд [9, с. II–III].

В 1916 г. заведующий землеустройством и земледелением в Тобольской губернии издал циркуляр, где отмечалось, что вследствие мобилизации значительного числа работников переселенческие семьи, водворенные в районах, где домообзаводственные ссуды не выдавались, лишились возможности без помощи от казны развивать и поддерживать свои хозяйства. Далее этот чиновник пишет, что некоторые семьи, водворившиеся в 1915–1916 гг., не смогли даже приступить к устройству хозяйств, а в особенно тяжелом положении оказались хозяйства при неурожаях, падеже скота и т.п. Вследствие этого по распоряжению министра земледелия от 15 октября 1916 г. было разрешено некоторым переселенческим семьям из «бессудных» районов выдавать ссуды на «домообзаводство» [11, л. 27].

Есть примеры выдачи ссуд на домообзаводство не только в 1914–1916 гг., но и в 1917 г. и даже в 1918 г.

Например, переселенец С.М. Попок 3 июня 1917 г. получил ссуду 100 руб. Такие же суммы получили Т.Н. Стародубцев (27 мая 1917 г.), Е.М. Бачериков (22 ноября 1917 г.), А.Я. Новоселов (5 февраля 1918 г.) [39, л. 5об.–10]. Эти данные свидетельствуют, что переселенческие организации Западной Сибири продолжали свою деятельность независимо от политических и финансовых потрясений, произошедших в России в 1917–1918 гг.

Несмотря на общее сокращение в сфере кредитования, война привела к росту так называемых безвозвратных пособий для переселенцев. В феврале 1915 г. для уточнения списков нуждающихся переселенцев в сельские районы Сибири были направлены специальные учетчики. Для помощи нуждающимся было разрешено использовать запасные кредиты сибирских переселенческих организаций со списанием этих денег на безвозвратные пособия [35, с. 254].

Фактически переселенческие организации в годы Первой мировой войны не только продолжили свою деятельность, хотя и в значительно меньших объемах, но и стали заниматься совершенно новыми для себя формами деятельности. Одним из таких новых направлений деятельности стала организация тылового обеспечения действующей армии. Уже во второй половине 1914 г. Переселенческое управление вынуждено было решать вопросы, связанные с тыловым обеспечением фронта. На практике это выразилось в том, что переселенческие организации взяли на себя функции по обслуживанию проходящих воинских эшелонов, эвакуируемых больных нижних чинов и военнопленных. Для нужд общеземского и городского союзов, Министерства путей сообщения и Военного министерства были предоставлены все свободные и вполне оборудованные больничные и переселенческие здания, амбулатории и различные вспомогательные помещения, а также личный состав [9, с. II–III].

Одним из важных направлений деятельности переселенческих организаций стала подготовка и проведение сплошной переписи скота, посевов и продовольственных запасов. Все работы по осуществлению этой переписи были возложены Особым совещанием по продовольственному делу на местные переселенческие структуры в Азиатской России. Конечно, непосредственно фиксированием собранных материалов занимались люди, не работавшие в переселенческих структурах (студенты различных вузов, учителя, даже воспитанники старших классов гимназий). Там не менее вся организационная работа была проведена именно переселенческими организациями [40, л. 2, 97–98об.].

Таким образом, в годы Первой мировой войны для деятельности переселенческих организаций Западной Сибири были характерны следующие тенденции:

во-первых, эти переселенческие организации не прекратили свою работу. По основным направлениям деятельности (заготовка колонизационного фонда, гидротехнические работы, выдача ссуд) работы были продолжены. Вместе с тем произошло значительное сокращение масштабов многих видов работ: внутринадельного межевания, ссудного кредитования, землеотводных работ. Это стало следствием снижения количества переселенцев и ходоков в 1914–1916 гг., результатом мобилизации переселенческих чинов и следствием сокращения финансирования;

во-вторых, в годы Первой мировой войны переселенческие организации вынуждены были значительно расширить свои функции, что было связано с необходимостью обеспечивать потребности фронта. В первую очередь это касается предоставления больниц, амбулаторий и иных вспомогательных помещений Переселенческого управления для нужд армии. Важным направлением деятельности переселенческих структур в 1914–1916 гг. стало устройство беженцев, многие из которых водворялись в Западной Сибири как переселенцы с соответствующими правами.

Библиографический список

1. Захарова, Н.В. Колонизация Тобольской губернии в период столыпинской аграрной реформы (1906–1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н.В. Захарова. – Воронеж, 2004.
2. Минжуренко, А.В. Переселенческая деревня Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.В. Минжуренко. – Томск, 1977.
3. Смирнова, В.Е. Организация перевозки переселенцев в России (1881–1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.Е. Смирнова. – Челябинск, 1998.
4. Тюкавкин, В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа / В.Г. Тюкавкин. – М., 2001.
5. Островский, И.В. Аграрная политика в Сибири периода империализма / И.В. Островский. – Новосибирск, 1991.
6. Карпинец, А.Ю. Финансирование колонизационного процесса в Томской губернии в 1896–1916 гг.: дис. ... канд. ист. наук / А.Ю. Карпинец. – Кемерово, 2003.
7. Асалханов, И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. / И.А. Асалханов. – Новосибирск, 1975.
8. Резун, Д.Я. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Д.Я. Резун, М.В. Шиловский. – Новосибирск, 2005.
9. Переселение и землеустройство за Уралом в 1914 г. – Пг., 1915.
10. Государственное учреждение Тюменской области Городской архив в г. Тобольске (ГУТО ГА). – Ф. и-580. – Оп. 1. – Д. 164.
11. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области» (ГУТО ГАТО). – Ф. и-8. – Оп. 1. – Д. 13.
12. Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. – Пг., 1916.
13. Переселение и землеустройство за Уралом в 1913 г. – СПб., 1914.
14. Беженцы в Томской губернии. Список беженцев и адреса их. – Томск, 1916. – Вып. I.
15. Карпинец, А.Ю. К вопросу о финансировании переселенческого процесса в Томской губернии в годы первой мировой войны / А.Ю. Карпинец // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: сборник научных статей. – Кемерово, 2008.
16. Государственный архив Омской области (ГАОО). – Ф. 48. – Оп. 1. – Д. 5.
17. ГУТО ГА. – Ф. и-580. – Оп. 1. – Д. 19.
18. Загороднюк, Н.И. Депортация населения в годы Первой мировой войны / Н.И. Загороднюк // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 1996. – Тюмень, 1998.
19. Бушаров, Е.А. Военнопленные Первой мировой войны в Тюмени (1914–1920 гг.) / Е.А. Бушаров // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 1997. – Тюмень, 1999.
20. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 239. – Оп. 1. – Д. 129.
21. ГУТО ГА. – Ф. и-580. – Оп. 1. – Д. 995.
22. ГУТО ГА. – Ф. и-580. – Оп. 1. – Д. 831.
23. ГАТО. – Ф. 239. – Оп. 1. – Д. 105.
24. ГАТО. – Ф. 239. – Оп. 3. – Д. 108.
25. Сборник действующих постановлений, изданных в порядке статьи 87 основных государственных законов. Дополнение к сборнику, изданному в 1913 г. – Пг., 1915.
26. ГАТО. – Ф. 239. – Оп. 1. – Д. 115.
27. ГУТО ГАТО. – Ф. и-8. – Оп. 1. – Д. 11.
28. ГУТО ГА. – Ф. и-580. – Оп. 1. – Д. 150.
29. ГУТО ГА. – Ф. и-580. – Оп. 1. – Д. 48.
30. ГАОО. – Ф. 47. – Оп. 1. – Д. 10.
31. ГУТО ГА. – Ф. и-580. – Оп. 1. – Д. 165.
32. ГАТО. – Ф. 239. – Оп. 1. – Д. 57.
33. ГАТО. – Ф. 239. – Оп. 1. – Д. 123.
34. Столыпин, П.А. Поездка в Сибирь и Поволжье / П. А. Столыпин, А. В. Кривошеин. – СПб., 1911.
35. Горелов, Ю.П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. – Кемерово, 2003.
36. ГАОО. – Ф. 98. – Оп. 1. – Д. 17.
37. ГАОО. – Ф. 183. – Оп. 3. – Д. 461.
38. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 391. – Оп. 6. Д. 76.
39. ГУТО ГАТО. – Ф. и-49. – Оп. 1. – Д. 66а.
40. ГАТО. – Ф. 239. – Оп. 1. – Д. 124.